

ИДЕИ И ВРЕМЯ

С.Г. Пилецкий*

В ПОИСКАХ АТЛАНТИДЫ

Данная статья посвящена древнейшей и до сих пор будоражащей умы загадке — таинственной и влекущей Атлантиде. Как известно, все наши знания о ней исчерпываются двумя диалогами Платона. Автор обращается к ним, внимательно их анализирует, а также тщательно сопоставляет аргументы и контраргументы как страстных сторонников, так и не менее ярых противников реальности ее существования, представляя вниманию читателей свою, оригинальную, версию.

Ключевые слова: Атлантида, Платон.

S.G. Piletsky. In search of Atlantis

This article is devoted to the oldest and still exciting brains mystery — enigmatic and tempting Atlantis. It is well known that all our knowledge about it is confined by two dialogs of Plato. Author contacts with it, attentively analyses them and also carefully compares the arguments and counterarguments of passionate adherents, but not the less passionate opponents of reality its existence. The author's unconditional merit is that he doesn't limit his task only by analytical work, but presents his own original version.

Key words: Atlantis, Plato.

Не успело человечество вступить в XXI столетие, как вновь оказалось на распутье. К сонму уже привычных глобальных проблем, ярко обозначившихся и высветившихся со второй половины века минувшего, как-то вдруг явно обнажилась и присовокупилась еще одна — гуманитарная. И дело даже не только в том, что стало, наконец-то, практически для всех очевидным прогнозируемое банкротство и полное фиаско «неолиберальной» модели экономики, главное же — к чему стремиться, на что надеяться, какие мировоззренческие ориентиры иметь, как и чему учить молодежь, на каких ценностях ее воспитывать. Экзистенциальная, эгоцентристская, система межличностных взаимоотношений, господствовавшая в Западной Европе на протяжении последних пятисот лет, не только исчерпала себя, но и дискредитировала. «Я — центр Вселенной», «своя рубашка ближе к телу» и «моя хата с краю» перестали удовлетворять подавляющее большинство населения, как им

* Пилецкий Сергей Григорьевич — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Ярославской государственной медицинской академии, тел.: 8-4852-73-86-22; e-mail: sergeypiletsky@yandex.ru

«с пеленок» это не вдалбливай и как им «не промывай мозги». Стало настолько очевидным, что упорное культивирование стандартов частного интереса, личной мотивации, жесткой конкуренции, наживы и «чистогана» перестало приносить желаемую отдачу, что неминуемо выразилось в неуклонном неприятии взлелеянного веками принципа «деньги не пахнут» (в особенности когда речь шла о первоначальном накоплении капитала). Положение усугубилось еще и тем, что «козырную карту» расхожего саркастического американизма «если такой умный, почему не богатый?» приняли все уверенней парировать не менее саркастичным «потому, что не вороватый». Как-то вдруг прозрели, что капитализм плохо уживается с такими нравственными категориями, как добро, стыд, совесть, честь, справедливость, сострадание, милосердие. Как будто не знали, что взывать к оному в условиях капитализма столь же бессмысленно и малоперспективно, как взывать к жалости поглощающего вас хищника. Капитализм — это в своей основе общество цивилизованных мошенников и жуликов (слово «мошенник», наверное, и произошло как производное от слова «мошна», а вот слово «жулик» совершенно точно на воровском жаргоне означает «маленький острый нож») — либо актуальных, либо потенциальных: одни уже преуспели, другие пока только грезят и строят планы. Бывают, конечно, и исключения, но они не благодаря, а вопреки сложившимся устоям и укладу жизни. Капитализм в этом отношении гораздо хуже рабовладения и феодализма, не говоря уже о первобытности. Интеллектуалы все громче заговорили о грядущем и неизбежном переходе в некую новую общественно-экономическую формацию (чем она может по своей сути отличаться от предрекаемой марксистской — я не очень представляю) или даже об опрокидывании в «новое средневековье», построенное на принципах непотизма, «неоаристократизма» и «неоэлитаризма». Так что настоящее, мягко говоря, не очень-то впечатляет, сплачивает и объединяет, будет ли впечатлять, объединять и сплачивать будущее — большой вопрос, а вот что действительно впечатляет, роднит и единит — это общее, разделяемое, прошлое.

Людей всегда интересовала своя история вообще и история философии в частности. Там многому можно было поучиться. И зачастую так: чем древней, тем захватывающе. Из античных времен, на мой взгляд, вне конкуренции великий Аристокл по прозвищу Платон, создавший грандиозную философскую систему, изумительную по силе логики, красоты и изящества. Все в ней прекрасно: и онтология, и гносеология, и космология, и этика, но особенно хороша политическая теория. Она нам будет интересна, по крайней мере, в двух аспектах: в контексте нашего изложения и в контексте глобального человеческого беспутства и распутья.

Платон не просто строит свою концепцию идеального государства, он, по его же собственному признанию, во-первых, «срисовывает» ее с модели ранних Афин и ранней Атлантиды, а во-вторых, с их рубежных позиций классифицирует существующие государственные формы на две неравные группы — приемлемые и регрессивные (упадочные). Естественно, первенство в группе приемлемых государственных форм занимает само Платоновое идеальное государство, то бишь в каком-то смысле — «атлантическое». Ближе всего к нему стоит аристократия, а именно аристократическая республика.

К упадочным, нисходящим, государственным формам он относил тимократию, которая хотя и не может быть причислена к приемлемым формам, все же стоит к ним ближе всего. Это власть группы лиц, основанная на военной силе (проще говоря, власть военных), т.е. на добродетели срединной части души. Платон еще иногда именовал тимократию «властью честолюбцев». В античной Греции этому типу наиболее соответствовала аристократическая Спарта. Существенно ниже тимократии Платон ставил олигархию. Это власть группы лиц, опирающаяся на торговлю и ростовщичество (проще говоря, власть торгового и ссудного капитала), которые тесно связаны с низшей, вожделеющей, частью души. Согласитесь, что обостренное чувство чести для властвующего человека все же предпочтительнее, нежели обостренное чувство алчности и наживы. Но главным предметом раздражения для Платона были демократия, в которой он видел власть толпы и неблагородного демоса, и тирания, которая в античной Греции начиная с VI в. до н.э. представляла диктатуру, направленную против аристократии.

Известно, что «философия» в переводе с греческого языка означает «любовь к мудрости». Не только красоту и отвагу умели ценить древние греки, гораздо выше них они ставили именно мудрость. Мудрость же, в свою очередь, не может не предполагать понимание справедливости, ясное осознание того, что есть людская правда, а что есть людская кривда, и соответственно воздаяние одним за одно, другим за другое. Не случайно у Платона, равно как и у его ученика Аристотеля, мудрость считалась добродетелью разумной части души человеческой, самой высшей, божественной, ее части. Не случайно в «идеальном государстве» Платона функцию управления должна была брать на себя исключительно «каста» мудрецов-философов. Мало того, вся подготовка будущего государственного деятеля должна была строиться и быть направлена на воспитание у учеников осмысленного представления нужд общественного блага и, соответственно, общественной справедливости. Платону было ясно, что в своих действиях, в принимаемых решениях мудрый правитель должен руководствоваться не корпо-

ративными, не частными, тем более не корыстными личными интересами, а именно отчетливым пониманием перспектив общего блага и справедливости. Вроде бы прописные истины, проблема — как этого достичь. И Платон, в отличие от многих, дает подробный рецепт, как мы помним, в какой-то степени позаимствованный у атлантов.

Как было отмечено, в совершенном государстве правители должны править совершенно, т.е. максимально разумно и справедливо, а для осуществления этого сами должны быть нравственно совершенными, однако чтобы достичь этого, требуется два непреложных фактора. Первый — надлежащее образование и воспитание, второй — такой социоэкономический статус, который позволил бы правителю быть абсолютно свободным в принимаемых решениях относительно общественного блага. По Платону, таковых мудрецов-философов должно быть 37, а править они должны двадцать лет — в возрасте от 50 до 70. Вопрос, однако, в том, кем заменять выбывающих по причине естественной ротации экс-правителей. И вот тут самое любопытное.

Дело в том, что сословию стражей-воинов, воспитанных в должной дисциплине и должном боевом мастерстве, хоть семей и частной собственности заводить, как и у правителей, не положено, но, в отличие от последних, в гетеросексуальные связи (в особенности со своими коллегами — воинами-женщинами) вступать отнюдь не возбраняется. Платоновский коммунизм высших двух сословий предполагал для военных общность жилища, жен и имущества, чтобы никому и в голову не могло прийти, вытянув указательный палец, произнести: «Это моё!» Дети, рожденные в результате общности жен и мужей, не только никогда не смогли бы установить свое родство по мужской, но, как ни странно, и по женской линии, ибо у рожениц младенцев отбирают к общественным кормилицам и далее воспитывают в коммунальных детских учреждениях.

Именно среди таких вот мальчишей-малышей, не достигших пятилетнего возраста, должны вести свою архиважную государственную селекционную работу опытные древнегреческие специалисты-психологи. Их задача — вовремя выявить, отыскать, распознать, не оставить незамеченным в толпе играющей ребятни от природы одаренного, способного, талантливого мальчика, говоря современным языком, с не по возрасту высоким IQ, а, говоря языком Платона, с явным преобладанием разумной части в этой еще совсем неокрепшей детской душе. Далее таковых заносят в особый список, отбирают и начинается с их пятилетия долгий, многоступенчатый, многоуровневый, 45-летний срок всестороннего, комплексного обучения. После трех десятков лет овладения теорией нравственного воспитания и совершенствования претендент направляется

на службу для приобретения опыта практического управления государством: в течение 15 лет его испытывают на воинском и гражданском поприщах. Тех, кто не выдержал «терний» практического управления, переводят в жрецы. Те же, кто смог пройти сие многоступенчатое «сито», остался в строю, остался в живых, отличился в государственных делах, по достижении 50-летия и составляют блестящий, бесподобный, сиятельнейший «ареопаг 37» — гордость, ум, честь и совесть нации. Смотришь на наших нынешних, а в особенности на наших недавних правителей, анализируешь их решения, догадываешься об их скрытых мотивах, вспоминаешь Платона и становится тоскливо. А что поделаешь: мудрость — она и есть мудрость, корысть — она и есть корысть. Вот мы, знаете ли, этак походя, не навязчиво теорией идеального государства Платона, индифферентно выражаясь, и отыскивали Атлантиду. Теперь осталось самое малое — буквально ее найти.

Надо сказать, что все имеющиеся сведения об Атлантиде содержатся у Платона в двух его диалогах — «Тимей» (кратко) и «Критий» (более развернуто). Диалог «Тимей» начинается с рассуждений Сократа и пифагорейца Тимея о наилучшем государственном устройстве. Третий участник диалога, афинский политический деятель Критий, излагает повесть о войне Афин с Атлантидой со слов своего деда — Крития-старшего, а тот, в свою очередь, узнал об этом по рассказу Солона, «мудрейшего из семи мудрецов», услышанному последним от египетских жрецов. Суть рассказа в том, что некогда, девять тысяч лет назад, Афины были наиболее славным, могущественным и добродетельным государством. Главным их соперником была упомянутая Атлантида. И именно афинское государство «положило предел дерзости несметных воинских сил, отправившихся на завоевание всей Европы и Азии, а путь державших от Атлантического моря. Через море это в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров, лежавший перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. Этот остров превышал своими размерами Ливию и Азию, вместе взятые, и с него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов — на весь противолежащий материк... На этом-то острове, именовавшемся Атлантидой, возникло удивительное по величине и могуществу царство, чья власть простиралась на весь остров, на многие другие острова и на часть материка, а сверх того, по эту сторону пролива они владели Ливией вплоть до Египта и Европой вплоть до Тиррении (запад Италии)» [Платон, 1994, т. 3, с. 429]. И вся эта сплоченная мощь, по словам жрецов, была брошена на то, чтобы одним ударом ввергнуть в рабство греческие и египетские земли и вообще все страны по эту сторону пролива. И именно тогда Афины явили

всему миру блистательное доказательство своей доблести и силы: хотя все союзники их предали, они в одиночку благодаря своей неодолимой отваге и беспримерной добродетели отразили нашествие, сокрушили атлантов и освободили поработанные ими народы. Вслед за тем, однако, произошла грандиозная природная катастрофа, в результате которой за одни сутки погибло все войско афинян, а Атлантида погрузилась на дно морское.

Диалог «Критий» с теми же участниками служит непосредственным продолжением «Тимея» и целиком посвящен рассказу Крития о древних Афинах и Атлантиде. Доверимся Платону, не поленимся, вчитаемся: «...боги по жребию разделили всю землю на владения — одни побольше, другие поменьше — и учреждали для себя святилища и жертвоприношения. Так и Посейдон, получив в удел остров Атлантиду, населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины, примерно вот в каком месте: от моря и до середины острова простиралась равнина, если верить преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно в пятидесяти стадиях (стадий приблизительно равнялся 192 м. — С.П.) от моря, стояла гора, со всех сторон невысокая. На этой горе жил один из мужей, в самом начале произведенных там на свет землею, по имени Евенор, и с ним жена его Левкиппа; их единственная дочь звалась Клейто. Когда девушка уже достигла брачного возраста, а мать и отец ее скончались, Посейдон, воспылав вожделием, соединяется с ней; тот холм, на котором она обитала, он укрепляет, по окружности отделяя его от острова и огораживая попеременно водными и земными кольцами (земляных было два, а водных — три) все большего диаметра, проведенные словно циркулем из середины острова и на равном расстоянии друг от друга. Это ограждение было для людей непреодолимым, ибо судов и судоходства еще не существовало. А островок в середине Посейдон без труда, как то и подобает богу, привел в благоустроенный вид, источил из земли два родника — один теплый, а другой холодный — и заставил землю давать разное и достаточное для жизни пропитание.

Произведя на свет пять раз по чете близнецов мужского пола, Посейдон взрастил их и поделил весь остров Атлантиду на десять частей, причем тому из старшей четы, кто родился первым, он отдал дом матери и окрестные владения как наибольшую и наилучшую долю и поставил его царем над остальными, а этих остальных — архонтами, каждому из которых он дал власть над многолюдным народом и обширной страной. Имена же всем он нарек вот какие: старшему и царю — то имя, по которому названы и остров, и море, что именуется Атлантическим, ибо имя того, кто первым получил тогда царство, было Атлант. Близнецу, родившемуся сразу после

него и получившему в удел крайние земли острова со стороны Геракловых столпов вплоть до нынешней страны гадиритов, называемому по тому уделу, было дано имя, которое можно было бы передать по-эллинически как Евмел, а на туземном наречии — как Гадир. Из второй четы близнецов он одного назвал Амфереем, а другого — Евэмоном, из третьей — старшего Мнесеем, а младшего Автохтоном, из четвертой — Эласиппом старшего и Местором младшего, и, наконец, из пятой четы старшего он нарек Азаэсом, а последнего — Диапрепом. Все они и их потомки в ряду многих поколений обитали там, властвуя над многими другими островами этого моря и притом, как уже было сказано ранее, простирая свою власть по сю сторону Геракловых столпов вплоть до Египта и Тиррении.

От Атланта произошел особо многочисленный и почитаемый род, в котором старейший всегда был царем и передавал царский сан старейшему из своих сыновей, из поколения в поколение сохраняя власть в роду, и они скопили такие богатства, каких никогда не было ни у одной царской династии в прошлом и едва ли будут когда-либо еще... Многое ввозилось к ним из подвластных стран, но большую часть потребного для жизни давал сам остров, прежде всего любые виды ископаемых твердых и плавких металлов, и в их числе то, что ныне известно лишь по названию, а тогда существовало на деле: самородный орихалк (желтая медь. — *С.П.*), извлекавшийся из недр земли в различных местах острова и по ценности своей уступавший тогда только золоту. Лес в изобилии поставлял все, что нужно для работы строителям, а равно и для прокормления домашних и диких животных. Даже слонов на острове водилось великое множество, ибо корму хватало не только для всех прочих живых существ, населявших болота, озера и реки, горы или равнины, но и для этого зверя, из всех зверей самого большого и прожорливого. Далее, все благовония, которые ныне питает земля, будь то в корнях, в травах, в древесине, в сочащихся смолах, в цветах или плодах, — все это она рождала там и отлично возвращала. Притом же и всякий нежный плод и злак, который мы употребляем в пищу или из которого готовим хлеб, и разного рода овощи, а равно и всякое дерево, приносящее яства, напитки или умещения, например, непригодный для хранения и служащий для забавы и лакомства древесный плод, а также тот, что мы предлагаем на закуску пресытившемуся обедом, — все это тогда под воздействием солнца священный остров порождал прекрасным, изумительным и изобильным. Пользуясь этими дарами земли, цари устроили святилища, дворцы, гавани и верфи и привели в порядок всю страну, придав ей следующий вид.

Прежде всего они перебросили мосты через водные кольца, окружавшие древнюю метрополию, построив путь из столицы и обратно

в нее. Дворец они с самого начала выстроили там, где стояло обиталище бога и их предков, и затем, принимая его в наследство, один за другим все более его украшали, всякий раз сиюсь превзойти предшественника, пока в конце концов не создали поразительное по величине и красоте сооружение. От моря они провели канал в три плетра (плетр — 1/6 стадия, т.е. около 32 м. — С.П.) шириной и сто футов глубиной, а в длину на пятьдесят стадиев вплоть до крайнего из водных колец: так они создали доступ с моря в это кольцо, словно в гавань, приготовив достаточный проход даже для самых больших судов. Что касается земляных колец, разделявших водные, то вблизи мостов они прорыли каналы такой ширины, чтобы от одного водного кольца к другому могла пройти одна триера, сверху же они настлали перекрытия, под которыми должно было совершаться плавание: высота земляных колец над поверхностью моря была для этого достаточной. Самое большое по окружности водное кольцо, с которым непосредственно соединялось море, имело в ширину три стадия, и следовавшее за ним земляное кольцо было равно ему по ширине; из двух следующих колец водное было в два стадия шириной и земляное опять-таки было равно водному; наконец, водное кольцо, опоясывавшее находившийся в середине остров, было в стадий шириной.

Остров, на котором стоял дворец, имел пять стадиев в диаметре; этот остров, а также земляные кольца и мост, шириной в плетр цари обвели круговыми каменными стенами и на мостах у проходов к морю всюду поставили башни и ворота. Камень белого, черного и красного цвета они добывали в недрах срединного острова и в недрах внешнего и внутреннего земляных колец, а в каменоломнях, где с двух сторон оставались углубления, перекрытые сверху тем же камнем, они устраивали стоянки для кораблей. Если некоторые свои постройки они делали простыми, то в других они забавы ради искусно сочетали камни разного цвета, сообщая им естественную прелесть; также и стены вокруг наружного земляного кольца они по всей окружности обделали в медь, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрыли литьем из олова, а стену самого акрополя — орихалком, испускавшим огнистое блистание.

Обиталище царей внутри акрополя было устроено следующим образом. В самом средоточии стоял недоступный святой храм Клейто и Посейдона, обнесенный золотой стеной, и это было то самое место, где они некогда зачали и породили поколение десяти царевичей; в честь этого ежегодно каждому из них из всех десяти уделов доставляли сюда жертвенные начатки. Был и храм, посвященный самому Посейдону, который имел стадий в длину, три плетра в ширину и соответственную этому высоту; в облике же постройки было нечто варварское. Вся внешнюю поверхность храма,

кроме акротериев (скульптурный орнамент над углами фронтонов здания. — *С.П.*), они выложили серебром, акротерии же — золотом; внутри взгляду являлся потолок из слоновой кости, весь украшенный золотом, серебром и орихалком, а стены, столпы и полы сплошь были выложены орихалком. Поставили там и золотые изваяния; сам бог на колеснице, правящий шестью крылатыми конями и головой достающий до потолка, вокруг него сто Нереид на дельфинах (ибо люди в те времена представляли себе их число таким), а также и много статуй, пожертвованных частными лицами. Снаружи вокруг храма стояли золотые изображения жен и всех тех, кто произошел от десяти царей, а также множество прочих дорогих приношений от царей и от частных лиц этого города и тех городов, которые были ему подвластны. Алтарь по величине и отделке был соразмерен этому богатству; равным образом и царский дворец находился в надлежащей соразмерности как с величием державы, так и с убранством святилищ.

К услугам царей было два источника — родник холодной и родник горячей воды, которые давали воду в изобилии и притом удивительную как на вкус, так и по целительной силе; их обвели стенами, насадили при них подходящие к свойству этих вод деревья и направили эти воды в купальни, из которых одни были под открытым небом, другие же, с теплой водой, были устроены как зимние, причем отдельно для царей, отдельно для простых людей, отдельно для женщин и отдельно для коней и прочих подъяремных животных; и каждая купальня была отделана соответственно своему назначению. Излишки воды они отвели в священную рощу Посейдона, где благодаря плодородной почве росли деревья неимоверной красоты и величины, а оттуда провели по каналам через мосты на внешние земляные кольца. На этих кольцах соорудили они множества святилищ различных божеств и множество садов и гимнасиев для упражнения мужей и коней. Все это было расположено отдельно друг от друга на каждом из кольцевидных островов; в числе прочего посредине самого большого кольца у них был устроен ипподром для конских бегов, имевший в ширину стадий, а в длину шедший по всему кругу. По ту и другую сторону его стояли помещения для множества царских копыеносцев, но более верные копыеносцы были размещены на меньшем кольце, ближе к акрополю, а самым надежным из них были даны помещения внутри акрополя, рядом с обиталищем царя. Верфи были наполнены триерами и всеми снастями, которые могут понадобиться для триер, так что всего было вдоволь. Так было устроено место, где жили цари. Если же миновать три внешние гавани, то там шла по кругу начинавшаяся от моря стена, которая на всем своем протяжении отстояла от самого большого водного кольца и от гавани на пятьдесят стадиев;

она смыкалась около канала, выходившего в море. Пространство внутри нее было густо застроено, а проток и самая большая гавань были переполнены кораблями, на которых отовсюду прибывали купцы, и притом в таком множестве, что днем и ночью слышались говор, шум и стук.

Итак, мы более или менее припомним, что было рассказано тогда о городе и о древнем обиталище. Теперь попытаемся вспомнить, какова была природа сельской местности и каким образом она была устроена. Во-первых, было сказано, что весь этот край лежал очень высоко и круто обрывался к морю, но вся равнина, окружавшая город и сама окруженная горами, которые тянулись до самого моря, являла собой ровную гладь, в длину три тысячи стадиев, а в направлении от моря к середине — две тысячи. Вся эта часть острова была обращена к южному ветру, а с севера закрыта горами. Эти горы восхваляются преданием за то, что они по множеству, величине и красоте превосходили все нынешние: там было большое количество многолюдных селений, были реки, озера и луга, доставлявшие пропитание всем родам ручных и диких животных, а равно и огромные леса, отличавшиеся разнообразием пород, в изобилии доставлявшие дерево для любого дела. Такова была упомянутая равнина от природы, а над устроением потрудились много царей на протяжении многих поколений. Она являла собой продолговатый четырехугольник, по большей части прямолинейный, а там, где его форма нарушалась, ее выправили, окопав со всех сторон каналом. Если сказать, каковы были глубина, ширина и длина этого канала, никто не поверит, что возможно было такое творение рук человеческих, выполненное в придачу к другим работам, но мы обязаны передать то, что слышали: он был прорыт в глубину на плетр, ширина на всем протяжении имела стадий, длина же по периметру вокруг всей равнины была десять тысяч стадиев. Принимая в себя потоки, стекавшие с гор, и огибая равнину, через которую он во многих местах соединялся с городом, канал изливался в море. От верхнего участка канала к его участку, шедшему вдоль моря, были прорыты прямые каналы почти в сто футов шириной, причем они отстояли друг от друга на сто стадиев. Соединив их между собой и с городом косыми протоками, по ним переправляли к городу лес с гор и разнообразные плоды. Урожай снимали по два раза в год, зимой получая орошение от Зевса, а летом отводя из каналов воды, истекаемые землей.

Что касается числа мужей, пригодных к войне, то здесь существовали такие установления: каждый участок равнины должен был поставить одного воина-предводителя, причем величина каждого участка была десять на десять стадиев, а всего участков насчитывалось шестьдесят тысяч; а те простые ратники, которые набира-

лись в несчетном числе из гор и из остальной страны, сообразно с их деревнями и местностями распределялись по участкам между предводителями. В случае войны каждый предводитель обязан был поставить шестую часть боевой колесницы, так, чтобы всего колесниц было десять тысяч, а сверх того, двух верховых коней с двумя всадниками, двухлошадную упряжку без колесницы, воина с малым щитом, способного сойти с нее и биться в пешем бою, возницу, который правил бы конями упряжки, двух гоплитов, по два лучника и прашника, по трое камнеметателей и копейщиков, по четыре корабельщика, чтобы набралось достаточно людей на общее число тысячи двухсот кораблей. Таковы были относящиеся к войне правила в области самого царя; в девяти областях были и другие правила, излагать которые потребовало бы слишком много времени.

Порядки относительно властей и должностей с самого начала были установлены следующие. Каждый из десяти царей в своей области и в своем государстве имел власть над людьми и над большей частью законов, так что мог карать и казнить любого, кого пожелает; но их отношения друг к другу в деле правления устроились сообразно с Посейдоновыми предписаниями, как велел закон, записанный первыми царями на орихалковой стеле, которая стояла в средоточии острова — внутри храма Посейдона. В этом храме они собирались то на пятый, то на шестой год, попеременно отмеривая то четное, то нечетное число, чтобы совещаться об общих заботах, разбирать, не допустил ли кто-нибудь из них какого-либо нарушения, и творить суд. Перед тем как приступить к суду, они всякий раз приносили друг другу вот какую присягу: в роще при святилище Посейдона на воле разгуливали быки; и вот десять царей, оставшись одни и вознесши богу молитву, чтобы он сам для себя избрал угодную жертву, приступали к ловле, но без применения железа, вооруженные только палками и арканами, а быка, которого удалось изловить, заводили на стелу и закалывали на ее вершине так, чтобы кровь стекала на письмена. На упомянутой стеле помимо законов было еще и заклятие, призывавшее великие беды на головы тех, кто их нарушит. Принеся жертву по своим уставам и предав сожжению все члены быка, они разводили в чаше вино и бросали в него каждый по стучку бычьей крови, а все оставшееся клали в огонь и тщательно очищали стелу. После этого, зачерпнув из чаши влагу золотыми фиалами и сотворив над огнем возлияние, они приносили клятву, что будут чинить суд по записанным на стеле законам и карать того, кто уже в чем-либо преступил закон, а сами в будущем по доброй воле никогда не поступят противно написанному и будут отдавать и выполнять лишь такие приказания, которые сообразны с отеческими законами. Поклявшись

такой клятвой за себя самого и за весь род своих потомков, каждый из них пил и водворял фиал на место в святилище бога, а затем, когда пир и необходимые обряды были окончены, наступала темнота, и жертвенный огонь остывал, все облачались в прекраснейшие иссиня-черные столы, усаживались на землю при клятвенном огневище и ночью, погасив в храме все огни, творили суд и подвергались суду, если кто-либо из них нарушил закон; окончив суд, они с наступлением дня записывали приговоры на золотой скрижали и вместе со столами посвящали богу как памятное приношение.

Существовало множество особых законоположений о правах каждого из царей, но важнее всего было следующее: ни один из них не должен был подымать оружие против другого, но все обязаны были прийти на помощь, если бы кто-нибудь вознамерился свергнуть в одном из государств царский род, а также по обычаю предков сообщать советовать о войне и прочих делах, уступая верховное главенство царям Атлантиды. Притом нельзя было казнить смертью никого из царских родичей, если в совете десяти в пользу этой меры не было подано свыше половины голосов.

Столь великую и необычайную мощь, пребывавшую некогда в тех странах, бог устроил там и направил против наших земель, согласно преданию, по следующей причине. В продолжение многих поколений, покуда не истощилась унаследованная от бога природа, правители Атлантиды повиновались законам и жили в дружбе со сродным им божественным началом: они блюли истинный и во всем великий строй мыслей, относились к неизбежным определениям судьбы и друг к другу с разумной терпеливостью, презирая все, кроме добродетели, ни во что не ставили богатство и с легкостью почитали чуть ли не за досадное бремя груды золота и прочих сокровищ. Они не пьянели от роскоши, не теряли власти над собой и здравого рассудка под воздействием богатства, но, храня верность ума, отчетливо видели, что и это все обязано своим возрастом общему согласию в соединении с добродетелью, но когда становится предметом забот и оказывается в чести, то и само оно идет прахом, и вместе с ним гибнет добродетель. Пока они так рассуждали, а божественная природа сохраняла в них свою силу, все их достойное, нами описанное, возрастало. Но когда унаследованная от бога доля ослабела, многократно растворяясь в смертной примеси, и возобладал человеческий нрав, тогда они оказались не в состоянии долее выносить свое богатство и утратили благопристойность. Для того, кто умеет видеть, они являли собой постыдное зрелище, ибо промотали самую прекрасную из своих ценностей; но неспособным усмотреть, в чем состоит истинно счастливая жизнь, они казались прекраснее и счастливее всего как раз тогда, когда в них кипела безудержная жадность и сила.

И вот Зевс, бог богов, блюдуший законы, хорошо умея усматривать то, о чем мы говорили, помыслил о славном роде, впадшем в столь жалкую развращенность, и решил наложить на него кару, дабы он, отрезвев от беды, научился благообразию. Поэтому он созвал всех богов в славнейшую из обителей, утвержденную в средоточии мира, из которой можно лицезреть все причастное рождению, и обратился к собравшимся с такими словами...» [там же, с. 507—516].

На этом резким и странным образом рассказ, равно как и сам платоновский диалог, прерывается. Сейчас нам уже никогда не узнать, что явилось тому причиной. Так что это, с небольшим сокращением, все, что нам известно об Атлантиде. Не знаю, как у вас, а у меня захватывает дух. Если правда, что изложено у Платона, то это чревато не просто существенным, а настоящим и шокирующим пересмотром всех наших прежних, устоявшихся, представлений о человеческой истории. То, что люди как гибли, так и гибнут за металл, хотя не в злате-серебре счастье, вневнеременно и сомнению не подлежит. Но вот от того, что 12—13 тысяч лет тому назад наши пращуры будто бы железа не ведали и кроме примитивного собирательства могли лишь разве что гуртом если уж и не на мамонтов охотиться, то по лесам и холмам за оленями бегать, придется решительным образом отказаться. Оказывается, люди были способны возводить умопомрачительные по величию, красоте и роскошному убранству храмы и дворцы, дороги, каналы и мосты, гавани и верфи и многие другие инфраструктурные сооружения. И все они были по высшему инженерному образцу спланированы, щедро профинансированы и предельно искусно исполнены. Один только ипподром с беговой дорожкой шириной почти в 200 м чего стоит! А как быть с прорытым каналом глубиной более 30 м, шириной почти 200 м и общей длиной почти 2000 км?! Это куда как «покруче» египетских пирамид будет. А как быть с армией, которая в случае мобилизации силами одного только удела из десяти способна была выставить 10000 колесниц, 1200 кораблей с 240 тысячами «морской пехоты» и общей объединенной мощью до 1 миллиона бойцов?! Одного командного состава низшего звена насчитывалось 60 тысяч! Просто поразительно.

Это настолько травмирует, что большинство исследователей как предпочитали, так и предпочитают относиться к платоновским повествованиям, мягко говоря, не очень серьезно, воспринимая сие «художество» либо полностью выдуманном Платоном философским мифом, либо мифом, сочиненным на основе воспоминаний о какой-то древней катастрофе (предположительно о прорыве средиземноморских вод в Черное море в конце 4 тысячелетия до н.э. или об извержении вулкана на острове Санторин в середине XV в. до н.э.) Считают, что первоначальной целью Платона было

обличить атлантов, изобразив их целиком отрицательным примером алчности и гордыни, порождаемых богатством и погоней за могуществом, — создать в своем роде антиутопию, противопоставляемую утопическим Афинам. Но, полагают, начав описывать Атлантиду, Платон увлекся и по чисто художественным причинам создал притягательный образ роскошной и могучей державы, так что Атлантида в качестве утопии совершенно затмила достаточно «бледный» очерк добродетельных, но бедных Афин. Кстати, именно этим несоответствием замысла и результата пытаются объяснить и то, что диалог не был закончен.

Ряд современных «атлантологов» склонны соотносить к упоминаниям об Атлантиде рассказы об атлантах — африканском (вероятно, берберском) племени в горах Атласа, о котором говорили Геродот, Диодор Сицилийский и Плиний Старший. Атланты, по их рассказам, не имели собственных имен, не видели снов и в конце концов были истреблены своими соседями — троглодитами. Что же до собственно Атлантиды, то расхожее мнение сводилось к фразе, приписываемой Аристотелю, что, мол, «сам же создатель и заставил ее исчезнуть». Не будем забывать, что свое самое известное изречение, ставшее впоследствии «крылатым» — «Платон мне друг, но истина дороже», Стагирит произнес не в отношении чего бы то ни было, а именно в адрес платоновской Атлантиды.

Утверждают, что Платон, в отличие от Аристотеля и тем более историков, вообще никогда не ставил своей целью сообщение читателю каких-то реальных фактов, но только основополагающих идей, иллюстрируемых философскими мифами. В той мере, в которой рассказ проверяем, он опровергается всем имеющимся археологическим материалом. Настаивают, что нет никаких следов какой-либо развитой цивилизации в Греции или на западе Европы и Африки, ни в конце ледникового и послеледникового периодов, ни в последующие тысячелетия. Что касается «первоисточника сведений» — египетских жрецов (слывших в Греции хранителями тайной древней мудрости), то не забывают подчеркивать, что среди множества древнеегипетских текстов не обнаружено ничего, что хотя бы отдаленно напоминало повесть Платона. Действительно, все имена и названия в тексте греческие, что также вроде бы свидетельствует скорее в пользу сочинения их Платоном, нежели воспроизведения им каких-либо древних преданий. Иронично замечают, что Платон объяснял это тем, что Солон-де переводил «варварские» имена на греческий язык, но подобного обращения с именами в Греции никогда не практиковалось.

И последнее. Критичные «атлантологи» подмечают то, что Атлантида очень удачно вписывалась в платоновскую схему инволюции политических форм — их постепенного упадка и сведения

к более примитивным и порочным формам существования. По мнению Платона, сначала в мире правили цари, затем аристократы, затем народ (демос) и, наконец, толпа (охлос). Власть аристократии, народа и толпы Платон последовательно дидактически находил в истории греческих полисов. Но вот власти «богоподобных царей», создавших могучие, процветающие державы, в Греции он найти не мог. Так что в этом смысле Атлантида идеально вписывалась в логику политической теории Платона.

Теперь о тех, кто верит в существование Атлантиды. Вернее, так: о тех, кто считает ее не просто чьей-то выдумкой или мифом, а верит, что она действительно когда-то существовала. Но, солидаризуясь в главном, они радикально расходятся в «детализах», основной из которых является ее месторасположение. Большинство исследователей, что и не удивительно, видят Атлантиду не где-нибудь, а именно в Атлантическом океане. Это определено рядом факторов. Во-первых, Геракловыми столпами («калька» финикийского — «столбы Мелькарта») в античности всегда именовали Гибралтарский пролив (а точнее, скалы Гибралтар и Сеута); таким образом, Платон помещает Атлантиду непосредственно за Гибралтарским проливом, недалеко от побережья Испании и Марокко. И, во-вторых, только в Атлантическом океане могли поместиться архипелаг, центральный остров которого 3000×2000 стадиев (приблизительно 600×400 км), и несколько крупных сопутствующих островов.

Однако некоторые исследователи полагают, что Платон ошибся в указании площади Атлантиды. Если принять площадь Атлантиды на порядок меньшей, то ее можно ассоциировать с островом Крит в Средиземном море. Существовавшая на Крите древняя минойская цивилизация действительно была уничтожена природным катаклизмом. Относительно этой версии у меня, правда, в свою очередь, возникают серьезные сомнения: отчего это всегда старавшийся быть точным в математических исчислениях Платон тут вдруг взял и так грубо ошибся? Как-то это не очень на него похоже.

Существует и другая гипотеза, согласно которой указанные Платоном 9000 лет следует интерпретировать как 9000 сезонов по 121—122 дня. В этом случае повествования, связанные с Атлантидой, могут быть отнесены к концу IV тысячелетия до н.э. и привязаны к таким событиям, как распад индоевропейской общности и начало ширококомасштабной индоевропейской экспансии. Географически же все эти события относятся к регионам, прилегающим к Черному морю, уровень которого в тот период и в самом деле катастрофически повысился почти на 100 м в связи с прорывом Босфора средиземноморскими водами. Имеются еще куда более экстравагантные версии ее местопребывания — сухопутные: например, в Андах, о чем вроде бы свидетельствуют развитая культура

народов Южной Америки, точность их астрономических познаний и качество постройки многих сооружений, на Пиренейском полуострове в районе Гадира (нынешний Кадис), поскольку язык басков-де не похож ни на один из известных языков мира, а, наоборот, имеет определенное сходство с языками американских индейцев, в древних государствах хеттов и этрусков или даже в некой Русско-Ордынской империи. Относительно их у меня устойчиво сформировались значительно более серьезные сомнения, нежели в отношении математических способностей Платона.

Сейчас же, сдается, настало самое время и мне поделиться своими мыслями о влекущей и загадочной Атлантиде. Начну с того, что выскажу одно замечание скептикам. Столетиями люди привыкли относиться к поэмам Гомера пусть и как к выдающимся литературным произведениям, но по своему содержанию не более чем к мифологическим преданиям, не более чем к мифотворчеству, буквально воспринимать которые — «моветон» для образованного и цивилизованного человека. Ну разве можно было всерьез верить в существование Геракла с его подвигами, в существование Одиссея с его захватывающими приключениями, в существование «любовного треугольника» Париса, Елены и Менелая, приведшего к войне, в существование Агамемнона, Приама и Гектора, в существование Ахилла с его знаменитой пятой, да и в существование того самого пресловутого троянского коня. Верить во все эти сказки было где-то даже и неприлично. Все, вероятно, так и продолжалось бы по сей день, не найдись в XIX в. одного «сумасшедшего» романтика, не только поверившего во все эти «бредни», но и одержимого доказать всему человечеству, что он в своей вере прав. Звали этого безрассудного романтика Генрих Шлиман. Представляете, успешный коммерсант забросил свое дело, взялся за археологию и настолько этому отдался, что за неполных два месяца 1866 г. в возрасте 44 лет (удивительно, но когда я пишу эти строки, мне ровно столько же) освоил древнегреческий язык, чтобы иметь возможность читать Гомера в подлиннике. Это ему было и в самом деле необходимо, поскольку Г. Шлиман поставил перед собой задачу следовать за «поэтом поэтов» — Гомером — именно буквально и построчно и тем отыскать легендарную Трою. И он сдержал обещание, исполнил свою заветную цель — с текстом «Илиады» Гомера в руках нашел-таки Трою!

Надо сказать, что профессиональное археологическое сообщество к успеху дилетанта отнеслось не просто «с прохладцей», не просто скептически и настороженно, но и вообще восприняло его как личное оскорбление. Но когда 14 июня 1873 г. в отверстии откопанной стены, недалеко от западных ворот, Шлиман, прозорливо предварительно отослав всех рабочих, вдвоем с женой Софией

извлекли из пролома килограммы золотых изделий, все встало на свои места. Увидели свет флакон весом 403 г, 200-граммовый кубок, 601-граммовый ладьеобразный кубок, золотые диадемы, цепочки, браслеты, перстни, пуговицы, множество других мелких золотых изделий — всего 8700 предметов из чистого золота, посуда из серебра, электра, меди, разные изделия из полудрагоценных камней и слоновой кости. Заметим между прочим: золото Трои — это ведь «кошкины слезы» в сравнении с золотом Атлантиды.

Теперь, наверное, самое главное. К тоннам страниц «атлантидоведческой» литературы имею непреодолимое желание присовокупить и свои скромные несколько грамм. Задумываясь о поисках Атлантиды и памятуя о том, что, в соответствии с текстом Платона, она была не просто островом, а гигантским островом, архипелагом даже, по отдельным островам коего легко можно было перебраться на американский континент, следует зафиксировать, что, во-первых, она и в самом деле могла располагаться только в Атлантическом океане, и, во-вторых, вне зависимости от масштабов катастрофы, не могла никуда бесследно исчезнуть. Удивительно, но как это никому не приходило в голову, что «исчезнувшая» в пучине морской Атлантида — это, вероятно, преспокойно и ныне здравствующая Гренландия, «зеленая страна», самый большой в мире остров, 4/5 территории которого скрыто под ледяным щитом. Кстати говоря, по рельефу местности он очень схож с платоновскими описаниями: Гренландия — это плоскогорье высотой 400—600 м с чередующимися горными массивами. Вы спросите меня: как это могло быть хотя бы чисто теоретически? Отвечаю: причиной этого мог быть грандиозный литосферный сдвиг, вызванный действительной глобальной катастрофой. Что это была за катастрофа, сейчас сказать сложно. Это могло быть мощнейшее извержение вулкана, это мог быть удар крупного астероида, метеорита, либо исполинское по силе землетрясение, либо исполинское землетрясение, индуцированное ударом крупного астероида. Существенно то, что подобные литосферные сдвиги в геологической истории Земли случались не единожды. Что, спрашивается, из этого следует? А из этого следует, что, во-первых, сокровища Атлантиды не находили потому, что искали вовсе не там — большей частью под водой, а во-вторых, что они надежно спрятаны и «законсервированы» в глуби острова под толщей 2,5-километрового ледника. Попробуй откопай.

Я, возможно, и не собрался бы рассказать об этом «по секрету всему свету», если бы совсем недавно не узнал, что летом, в конце июля или начале августа 2009 г., в Гренландию отправляется экспедиция Русского географического общества. Но искать-то они будут не Атлантиду, а некую точку в 15 градусах от Северного полюса, некую безымянную гору, возвышающуюся среди льдов Гренландии.

Считают, что это может быть легендарная гора Меру — центр Гипербореи. Той самой Гипербореи, прославленной в древнегреческой мифологии, легендарной северной страны, местообитания блаженного народа гипербореев, колыбели ариев. Конечно, это в высшей степени ответственное и интригующее предприятие, в случае успеха могущее стать величайшим археологическим открытием всех времен и народов. Я лишь хочу, чтобы они, поскольку так или иначе все равно будут «тревожить» льды датского королевства, планируя, отправляясь в путь и проводя чреватую открытиями работу, помнили бы и о моей гипотезе. Этой статьей я не просто ее свидетельствую, но и не двусмысленно претендую на первенство. Мы же помним, что в истории человечества «сумасбродные» идеи не раз торжествовали. Но даже если время ее и не подтвердит, то дополнительное обращение к Платону — уже достаточное тому утешение. Жаль вот только, что вопрос о том, отчего это угри, повинувшись какому-то древнему, неведомому зову, продолжают-таки упорно и упрямо преодолевать тысячи миль, чтобы отметить икру в Саргассовом море, так и останется без ответа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Платон. Собр. соч.: В 4 т. М., 1994. Т. 3.

С.Н. Коськов, С.А. Лебедев*

КОНВЕНЦИОНАЛИЗМ КАК СИНТЕЗ РАЦИОНАЛЬНОСТИ И АНТРОПОЛОГИЧНОСТИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье обосновывается интерпретация конвенционалистской методологии науки как формы синтеза рационального и антропологического характера научного знания. Конвенционализм является логико-методологическим вариантом антропологизма в философии науки.

Ключевые слова: философия науки, методология, конвенции, конвенционализм, антропологическое измерение научного знания.

S.N. Koskov, S.A. Lebedev. Conventionalism as a synthesis of rationality and anthropology of scientific knowledge

In the article it is reasoned the interpretation of conventionalism as a synthesis rationalistic and anthropological character of scientific knowledge. The conventionalism is logical and methodological variant of anthropologism in philosophy of science.

Key words: philosophy of science, methodology, conventions, conventionalism, anthropological dimension of scientific knowledge.

В последние десятилетия в результате широкого обсуждения проблемы взаимосвязи ценностного и когнитивного в познавательной деятельности все больше утверждается мысль о принципиальной включенности ценностных компонентов сознания, человеческого измерения познания не только в сам процесс осуществления любого вида познавательной деятельности (в том числе и научной), но и в его результаты, включая научное знание. В этой связи вполне резонно возникает вопрос о характере той методологической процедуры, с помощью которой реализуется синтез ценностной и когнитивной компоненты научного познания. Для конвенционалистской философии науки, истоки которой восходят к началу XX в. (П. Дюгем, А. Пуанкаре, Ле Руа и др.), такой базовой методологической процедурой считается конвенция, или условное соглашение обо всех принимаемых в науке значениях понятий, способах измерения различных величин, основных аксиомах и принципах научных теорий, средствах доказательства, обоснования и проверки

* Коськов Сергей Николаевич — кандидат философских наук, доцент кафедры логики и методологии науки Орловского государственного университета, тел.: 8 (4862) 45-41-07.

Лебедев Сергей Александрович — доктор философских наук, профессор кафедры философии ИППК МГУ имени М.В. Ломоносова, тел.: 8 (495) 939-34-43; e-mail: saleb@rambler.ru.